

—Распопов заботился и о культурных мероприятиях, устраивал экскурсии в Холуй, Мстёру, Палех, где мы знакомились с работами местных мастеров лаковой миниатюры. Целый день мы посвятили Плёсу на Волге, где я сделал довольно много фотоснимков, удачных, на мой взгляд. Всё это было прекрасно, но интереснее всего были наши вечера у костра, где разгорались дискуссии, неожиданно очень увлекшие меня. Впервые основной темой наших разговоров стала оценка окружающей нас действительности.

—До этого времени я был правоверным сначала пионером, потом комсомольцем, патриотом своей страны, особенно не задумывавшимся над смыслом своего патриотизма, который представлялся мне естественным, поскольку он был всеобщим, как мне казалось. Когда у мамы или тётки Люси прорывалось брюзжание по поводу каких-либо недостатков бытия, приписываемых власти ("За что боролись, на то и напоролись", - комментировала тётка Люся повышение цен на масло и колбасу), я искренне возмущался их несознательностью и горячо их перевоспитывал, доводя, помню, однажды маму чуть ли не до слёз.

—Изучение истории КПСС в университете начало порождать некоторые сомнения в правдивости и объективности этой "истории", что, правда, относилось мною по большей части к нерадивости авторов учебников и преподавателей. Я тогда не обращал особого внимания на то, как различаются, например, курсы "Краткой истории ВКП/б/" 1946 года и "Истории КПСС" 1959 года, которую изучали мы, в изложении одних и тех же событий. Но ведь шёл 1963 год, и просто невозможно было не видеть повсюду проявлений культа личности Хрущёва - главы партии, совсем недавно разоблачившей и осудившей культ личности Сталина.

—И тем не менее это противоречие не побуждало меня к особым размышлениям, не было толчка, голова была занята другими "проблемами" - простыми, сугубо личными проблемами студента: учёба, сессии, футбол, карты, Света, Сашенька, всем, что составляло мою личную жизнь. В художественной литературе социальная и философская стороны жизни меня мало волновали. В сущности, всё и так ясно было: бога нет, цель жизни всех и каждого - коммунизм, социализм - необходимый этап, Маркс и Ленин - гении, Сталин ошибался, но ошибки исправлены. Ну, недаром же Маяковский, которого я очень полюбил в старших классах, писал:

_____ "... и жизнь
 _____ хороша,
 _____ и жить
 _____ хорошо.
 _____ А в нашей буче,
 _____ боевой, кипучей,
 _____ - и того лучше."

—А если что и есть в жизни нехорошего для меня лично, так уж в этом сам виноват - недовоспитался.

—Вот это-то "мировоззрение" и пошатнулось у меня в экспедиции, а точнее, от отсутствия своего мировоззрения я начал потихоньку продвигаться к выработке оного. Этот процесс, конечно, продолжается и сейчас (писано в году 1982-м), но начало ему было положено в тех спорах у экспедиционного костра.

—Полемика возникла как-то ни с того, ни с сего среди белого дня. Не помню уж в связи с чем я высказался, что у нас все воруют, только воровством не называют такие мелочи, как унесённый с работы домой карандаш или ещё что-нибудь такое, что дома может пригодиться. Виктор Герман от этих слов буквально взбесился и чуть ли не с кулаками бросился на меня, требуя, чтобы я прекратил оскорблять ни в чём неповинных советских тружеников.

— Ты что, хочешь сказать, что и мои родители воры?! - кричал он.

— Все, так все, - отвечал я. - Они что, никогда домой со службы ничего не приносили? - чем только подлил масла в огонь.

— Никогда! - стоял на своём Герман.

— Ну, не верю, - не сдавался и я. В общем, мы, действительно, чуть не подрались... Возможно, что поводом для этой стычки было то, что кто-то потихоньку (Володька Кошелевский, кажется) таскал с кухни рафинад и сухофрукты, просто полакомиться, разумеется.

— В дальнейшем тема честности в советском обществе очень часто возникала в разговорах и обычно переплеталась с темой "наш социализм". Можно ли называть социализмом тот строй, при котором мы живём?

— В спорах на эту тему компания наша расслоилась. Неожиданно для себя я оказался по одну сторону вместе с Димой Ивлиевым, рьяным "злопыхателем", Герман, Лариса и Сашенька выступали в качестве ортодоксов, остальная молодёжь особого своего мнения не имела и становилась по ходу споров то на одну, то на другую сторону. Спорили мы, разумеется, по юношески горячо, налегая больше на эмоции, чем на логику. Из старших Наташа Чичерина и Арсений чаще были на нашей с Димой стороне, Аида Андреевна и Распопов в острых спорах не участвовали, да они, как начальство и занятые серьёзными проблемами люди, не так уж много времени проводили в беседах у костра.

— Итак, мы с Димой стояли на том, что нам ещё до социализма очень далеко, не говоря уже про коммунизм, вопреки утверждениям вождей, учителей и печати. А в недавно принятой новой Программе КПСС были такие слова: "партия торжественно (!) обещает (!!!), что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме". Вокруг этого-то утверждения и шли споры.

— Нашими с Димой аргументами были факты, окружавшие нас здесь в экспедиции со всех сторон, которые до сих пор не резали мне глаза, а о многих из них я просто и не знал раньше. Ведь до сих пор я не видел своими глазами ни одной деревни, хотя и жил в Сестрорецке в деревянных домах без водопровода, с печками и керосинками, сортиром на дворе и парашей в доме зимой. Но в Сестрорецке и в Песочной в магазинах были те же товары, что и в Ленинграде. В Калининграде из магазинов эпизодически исчезало то масло, то сахар, то мука, а когда появлялось, да ещё колбасу какую-нибудь "выбросят", возникали огромные очереди, в которых стояли семьями, чтобы взять побольше. Но что-то в магазинах было всегда, хотя бы макароны, крупы, маргарин.

— Здесь же, в сельмагах, где продовольственные и промышленные товары продавали с общего прилавка, из продуктов кроме водки и соли не было ничего. Кое-где видали ржавую селёдку. Хлеб привозили раз в неделю, причём жуткого качества. Из курева свободно была махорка, в городах Поволжья можно было ещё купить махорочного типа сигареты ("Приволжские", "Красноармейские"), а папиросы "Север" шли за высший сорт.

— А дороги - показатель цивилизованности! С дореволюционных времён изменились, наверное, только размеры колдобин - они стали глубже и шире, так как теперь их выделывали колёса не телег и бричек, а тяжёлых грузовиков и тракторов. После хорошего летнего дождя колдобины заполнялись водой и грязью и превращались в непроходимые болота, так что машинам приходилось прокладывать новые колеи рядом прямо по полю. Так дорога расширялась в несколько раз и становилась многорядной. Сколько техники разбивалось на этих дорогах, - не на одно шоссе хватило бы за 45-то лет советской власти. Что уж говорить про весну и осень, когда распутица напрочь отрезала деревни друг от друга и вообще от внешнего мира!

— А запущенный вид крестьянских жилищ, темнота, грязь, скот тут же, запах... А одевание детей, и мат, мат кругом. Когда в одном месте (в устье Мезы, недалеко от впадения её в Волгу) около нашей стоянки колхозницы собирались на дойку коров, так кроме мата других слов и слышно-то не было: "Ах, трах твою так! Ты куда, такая-сякая! Стой смирно, ешь твою в лоб! У, ... и ... !" И всё это во всю глотку, не обращая ни малейшего внимания ни на нас, ни на крутившихся рядом детей, замызганных,

оборванных. В общем, всё как при царе Горохе. А вдали за Волгой на фоне тёмного леса белел санаторий, гремела музыка с пассажирских теплоходов. Одни живут так, другие - эдак, и пропасть между ними колоссальная.

Дети страны Советов

(продолжение следует)